

Шталонович І. В.

кандидат філософських наук,
доцент кафедри філософії
Дніпропетровського національного університету
імені Олеся Гончара
(Дніпропетровськ, Україна),
E-mail: visnukDNU@i.ua

МИРОВОЗРЕНЧЕСКИЙ ПЕРЕХОД ОТ ГЕТЕРОДЕТЕРМИНАЦИИ К АВТОДЕТЕРМИНАЦИИ В ФИЛОСОФИИ ЖИЗНИ КОН. XIX – НАЧ. XX СТ.

Аннотация. *Описана тенденция ослабления роли гетеродетерминации в пользу автодетерминации в трудах представителей философии жизни. Мировоззренческий переход от гетеродетерминации к автодетерминации исследуется в творчестве Ф. Ницше, А. Бергсона и других. Результатом перехода является то, что случайность и свобода превращаются в имманентные свойства мира, происходит отказ от идеи внешней детерминации, метаморфоза детерминации к самодетерминации, осуществляется новый синтез детерминистских и индетерминистских категорий с преобладающей ролью последних («детерминированный хаос»).*

Ключевые слова: мораль, детерминизм, философия жизни, гетеродетерминация, автодетерминация.

Главной особенностью развития детерминистской проблематики в неклассической философии становится существенная трансформация и даже деактуализация идеи детерминизма. Представители философии жизни (А. Бергсон), прагматизма (Ф. Шиллер), экзистенциализма (Ж. П. Сартр), неопозитивизма (Г. Рейхенбах) и постпозитивизма (К. Поппер), аналитической (Б. Рассел) и постаналитической философии (Р. Рорти), синергетики (И. Пригожин) и постмодернизма (Ж. Ф. Лиотар) переосмысливают мир и место человека в нем, всё более, ориентируясь на категории индетерминистского характера: спонтанность, случайность, свободу, самоорганизацию, становление. Данная смена приоритетов носит парадигмальный характер для европейской культуры и вызывает необходимость формирования нового философского взгляда на детерминизм (И. С. Добронравова, Е. Н. Князева, М. А. Можейко). Поставленная задача требует и нового историко-философского анализа идеи детерминизма, так как предыдущие исследования вследствие существенной сциентизации мировоззренческой сферы XX столетия были по большей части выполнены в историко-научном и естественнонаучном контекстах.

Для более четкого анализа, разделим объем используемого понятия «детерминация» по основанию внутренней активности на автодетерминацию (самодетерминацию, от греч. αὐτός – сам) и гетеродетерминацию (детерминацию иным или извне, от греч. ἕτερος – иной). Примером автодетерминации является субстанциальный деятель как причина своих поступков в системе мира Н.О. Лосского. Если в предшествующих эпохах автодетерминация элементов картины мира не выходила за рамки гетеродетерминации, то, начиная с неклассического периода, *автодетерминация абсолютизируется*, что зачастую ассоциируется с победой индетерминизма.

Существенный вклад в процесс абсолютизации автодетерминации за счет ослабления роли гетеродетерминации вносят идеи, сформулированные в *философии жизни* – неклассическом направлении кон. XIX – нач. XX ст.

Одна из таких эпохальных идей, на которой базируется отрицание гетеродетерминации, принадлежит Ф. Ницше. Она заключается в известной метафоре: «Бог умер». Немецкий мыслитель описывает это в очень образной форме: «Где Бог?... Мы его убили – вы и я! Мы все его убийцы! Но как мы сделали это? Как удалось

нам выпить море? Кто дал нам губку, чтобы стереть краску со всего горизонта? Что сделали мы, оторвав эту землю от ее солнца? Куда теперь движется она? Куда движемся мы? ... Не падаем ли мы непрерывно? ... Есть ли еще верх и низ? ... Не наступает ли все сильнее и больше ночь? Не приходится ли среди бела дня зажигать фонарь? Разве мы не слышим еще шума могильщиков, погребаящих Бога? Разве не доносится до нас запах божественного тления? – и Боги истлевают! Бог умер!» [4, т. 1, с. 592–593]. Подчеркнем в данном отрывке важную в рамках исследования мысль: детерминирующего начала, которое испокон веков было главным, не стало, но мир от этого не рассыпался и солнце не погасло. По мнению философа, понятие «Бог» выдуманно как противоположность понятию жизни. В нем вся смертельная вражда к жизни сведена в «ужасающее единство». «Смерть Бога» свидетельствует о нравственном кризисе человечества, утрате веры в абсолютные моральные законы как выражение духовной гетеродетерминации.

По мнению философа, почти всякая мораль, которой до сих пор учили, которую читали и проповедовали, есть противоестественная, так как направлена против инстинктов жизни. Следовательно, она есть специфическое заблуждение, к которому не должно питать никакого сострадания. Мы, иные люди, – заявляет Ф. Ницше, – мы, имморалисты [4, т. 2, с. 575–577, 768]. Отрицание морали здесь имеет отношение, в первую очередь, только к ее христианской разновидности, постулирующей противоестественную гетеродетерминацию человека. Отсюда следует вопрос: не должен ли человек сам стать детерминирующим началом? Этот вопрос в работе философа звучит следующим образом: Не должны ли мы сами обратиться в богов? Так открывается путь к сверхчеловеку: «Бог умер: теперь хотим мы, чтобы жил сверхчеловек» [4, т. 2, с. 207]. По меткому сравнению К. А. Свасьяна данный переворот аналогичен коперниканскому. Человеческое Я, которое прежде вращалось вокруг объективного мира ценностей (моральных, религиозных, научных), теперь отказывается быть периферией этого центра и хочет само стать центром, самолично определяющим себе меру и качество собственной ценностной галактики. Философия Ф. Ницше являет уникальный эксперимент саморазрушения «твари» в человеке для самосозидания в нем «творца», названного «сверхчеловеком». Нужно было выпутываться из тягчайшей антиномии: мораль или свобода, предположив, что традиционная мораль, извне предписывающая человеку целую систему запретов и декретов, могла опираться только на презумпцию несвободы. Выбор был сделан в пользу свободы. С одной стороны, свободы от морали, но с другой стороны, свободы для морали, где мораль изживалась бы уже не командными методами общезначимых императивов, а как моральная фантазия свободного индивидуума [4, т. 1, с. 23–25].

Таким образом, у Ф. Ницше через отрицание гетеродетерминации (законы морали, данные Богом) происходит переход к автодетерминации (созидание новых ценностей сверхчеловеком), который философ образно выражает притчей о трех превращениях: как дух становится верблюдом, львом верблюд и, наконец, ребенком становится лев [4, т. 2, с. 18–19]. Удел верблюда – максимальная гетеродетерминация: становиться на колени и быть навьюченным, воздержным и почтительным. Первое превращение (во льва) происходит в результате нарастания автономизации: дух хочет добыть себе свободу и быть господином в своей собственной пустыне. При этом духу льва, который говорит «я хочу» предстоит сразиться с драконом, носителем «тысячелетних» ценностей (он называется «ты должен»), которого все более автономизирующийся дух не хочет уже более называть господином и богом. Но состояние льва лишь промежуточный шаг, так как лев не может еще создавать новые ценности. Лишь третья стадия – стадия ребенка как новое начинание и игра обладает максимумом автодетерминации, которую философ характеризует как «игру созидания». Сравнение третьей стадии с игрой не случайно. Основанием перехода к автодетерминации для Ф. Ницше есть не разум, а воля, с которой философ связал феномен жизни. Воля первична, так как сама «жизнь есть воля к власти» [4, т. 2, с.

250]. Кроме того, воля освобождает от гетеродетерминации. По слову Ф. Ницше: «Прочь от Бога и богов тянула меня эта воля; и что осталось бы созидать, если бы боги – существовали!» [4, т. 2, с. 61].

В результате, Ф. Ницше предлагает отвергнуть то детерминирующее начало, которое гетеродетерминировало европейское мировоззрение на протяжении многих столетий, и выявить более глубинные пласты человеческой души, что могут стать основанием для автодетерминации.

Рассмотрим идеи еще одного видного представителя философии жизни – *А. Бергсона*, который также внес существенный вклад в усиление тенденции автодетерминации, но в более умеренной (приемлемой) для общества манере, нежели Ф. Ницше.

Исходным пунктом и основанием философии А. Бергсона является защита свободы, которая была направлена против господствовавших в то время представлений о детерминации человека внешней средой. Кроме того, мыслитель ополчается против позиции жесткого детерминизма. Характеризуя появление последнего в сборниках «Духовная энергия» и «Мысль и движущееся» [2, с. 52, 89, 162], он обращает внимание на то, что открытия, последовавшие за Ренессансом (главным образом открытия Кеплера и Галилея) дали возможность свести астрономические и физические проблемы к проблемам механики. Отсюда появилась идея представить весь материальный универсум как огромную машину, подчиненную математическим законам. Ошибка данной философской позиции заключалась в постулировании строгой взаимосвязи явлений и событий, при которой следствия должны выводиться из причин. Из чего следует, что будущее дано в настоящем, теоретически различимо в нем и, следовательно, не прибавляет к нему ничего нового. О действии всецело новом (по крайней мере, изнутри) и никоим образом не предсуществующем, даже в форме чисто возможного, его реализации, в данных учениях, похоже, не было никакого понятия, что являлось традиционным для философии. Ведь еще древние, будучи в той или иной мере платониками, представляли Бытие как данное раз и навсегда, полное и совершенное, в неизменной системе Идей. Следовательно, мир, развертывающийся перед ними, не мог ничего к этому прибавить. Напротив, он был всего лишь уменьшением или деградацией.

В отличие от указанной позиции, А. Бергсон [2, с. 263–264; 3, с. 262] полагает, что человек по природе своей свободен. Под свободой же он понимает нечто среднее между теми явлениями, которые обычно называют «свободой» и «свободой воли». С одной стороны, свобода состоит в том, чтобы быть полностью самим собой, действовать в согласии с собой, а это и есть в известной мере «моральная свобода» философов, независимость личности от всего того, чем она не является. Но это не всецело такая свобода, поскольку независимость не всегда имеет моральный характер. Более того, она не состоит в том, чтобы зависеть от себя самого, как следствие зависит от причины, с необходимостью его определяющей. Кроме того, мыслитель соотносит свободу с сознанием. Сознание, по существу, свободно. Оно есть сама свобода. Но оно не может проходить через материю, не задерживаясь на ней, не приспособившись к ней; это приспособление и есть то, что называют интеллектуальностью. Отсюда следует опасность редуцирования свободы к необходимости. Интеллект, обращаясь к действующему, то есть к свободному, сознанию, естественным образом вводит его в рамки, в которых он привык видеть материю. Поэтому он всегда будет представлять свободу в форме необходимости.

Несмотря на видимое противопоставление детерминизма и свободы А. Бергсоном, сделаем предположение, что мыслитель не отказывается от идеи детерминации как таковой. По его мнению, реальность упорядочена именно в той мере, в какой она соответствует нашему мышлению [3, с. 223]. Порядок есть, следовательно, определенное согласие между субъектом и объектом. Это – дух, находящий себя в вещах. Мыслитель, по мнению диссертантки, на самом деле противопоставляет два варианта образования детерминационного порядка, образуемого духом. Назовем

их детерминацией длительностью и детерминацией протяжением (или дискретностью, которая возникает от «кинематографической» схемы работы рассудка). В качестве первой (высшей) формы выступает естественное направление духа. Согласно мыслителю, по сути, все есть дух, но на разных ступенях его интенсивности и напряжения. Это направление проявляется через непрерывное творчество и свободную деятельность. В качестве второй формы – поворачивание духа назад. Ведь материя – это дух, где напряжение окончательно стало протяжением, в результате чего живая длительность распалась на рядоположенные в пространстве элементы, которые интеллект и пытается увязать при помощи взаимной детерминации элементов, ставших внешними по отношению друг к другу, что приводит к геометрическому механизму. Другими словами, первая форма связана с автономией и автодетерминацией элементов картины мира, за счет их одухотворенности, а вторая форма есть попытка выразить жизнь без учета ее автономного начала, исходя только из гетеродетерминации.

Более четкое противопоставление автодетерминации и гетеродетерминации в контексте религиозно-социальной картины мира отметим в работе А. Бергсона «Два источника морали и религии» [1]. Мыслитель различает закрытую и открытую формы морали, религии и общества, которые соответствуют вариантам гетеро- и автодетерминации. Закрытый (статический) тип указанных институтов (характерным примером которых являются общества муравьев и пчел) служит самосохранению социальной формы и базируется на принципах авторитаризма, принуждения и «социального давления». Данное давление элементы общества оказывают друг на друга, чтобы сохранять устройство целого. Его результат запрограммирован в каждом из нас системой привычек, идущих, так сказать, навстречу этой обязанности. Закрытый тип общества А. Бергсон сравнивает также с организмом [1, с. 5–6], клетки которого, соединенные невидимыми узлами, подчинены друг другу в сложной иерархии и естественным образом приучены к дисциплине, которая сможет потребовать принесения в жертву части ради наивысшего блага целого. В этом искусственном организме привычка играет ту же роль, которую необходимость играет в творениях природы. Тогда социальная жизнь представляется нам системой более или менее основательно укоренившихся привычек, отвечающих потребностям сообщества. Некоторые из них – это привычки командовать. Большинство же – это привычки подчиняться, каждая из которых оказывает давление на нашу волю и детерминирует ее.

Открытый (динамический) тип рассматриваемых А. Бергсоном институтов связан с целостной жизнью, базируется на основании «любовного порыва», свободе, живом примере, абсолютной морали творческой личности. Он воплощен в великих личностях – моральных героях, христианских мистиках. В данном случае мыслитель выражает идею утверждения автодетерминации. Подобной точки зрения он придерживается и в рассуждениях о формировании наций за счет патриотизма. А. Бергсон полагает, что великие нации смогли прочно сложиться в Новое время, потому что принуждение (связующая сила, действующая извне на целое) мало-помалу уступило место принципу единения (идущему из глубины каждого из соединившихся элементарных обществ) [1, с. 299–300].

Хорошо характеризует выявленное противопоставление автодетерминации и гетеродетерминации А. Б. Гофман. Он подчеркивает, что философия Бергсона в «Двух источниках» – это обоснование свободы, ответственности и творческой силы индивида, общества, человеческого рода. Это мужественный и честный гуманизм, который противопоставит трусливой и инфантильной философии «спихивания» собственной индивидуальной и коллективной ответственности на исторические обстоятельства, «законы» природы и общества, традицию, происки внутренних и внешних «врагов», на трансцендентную, божественную или дьявольскую волю [1, с. 367]. Соглашаясь с характеристикой данного исследователя, акцентируем вни-

маніе на ослаблении роли детерминирующего начала в картине мира А. Бергсона. Мыслитель не использует в своей картине мира трансцендентное детерминирующее начало, ассоциируемое с Творцом и Господом, хотя в «Творческой эволюции» А. Бергсон связывает происхождение жизненного порыва со сверхсознанием, но понятие «Бога» [3, с. 246] имеет в данном случае скорее философский, а не религиозный смысл. Данное начало имманентно (как Единое в неоплатонизме) нежели трансцендентно миру. В «Двух источниках» мыслитель обращает внимание, что понятие Бога в статическом типе религии возникает для того, чтобы запрещать, предупреждать или наказывать и моральная сила воплощается, таким образом, в личности [1, с. 133].

В итоге отметим, что позиция рассмотренных представителей философии жизни базируется на существенном ослаблении (или критике) роли гетеродетерминации в пользу автодетерминации. Происходит мировоззренческий переход от гетеродетерминации к автодетерминации, который характеризуется известным афоризмом Ф. Ницше: «Бог умер: теперь хотим мы, чтобы жил сверхчеловек», а также его притчей о трех превращениях (нарастание автодетерминации на стадиях: верблюд – лев – ребенок). основополагающая роль автодетерминации представлена также учением А. Бергсона об одухотворении мира и открытой форме морали, религии и общества. Указанный мировоззренческий переход набирает обороты в дальнейшем развитии западной философии XX века: субъективизация детерминизма как предсказуемости (Р. Карнап); предрасположенности, открытые поведенческие программы и открытое общество (К. Поппер); отцеубийство, противоборство «Оно» и «Сверх-Я» (З. Фрейд); синхроничность (К. Юнг); безначальность свободы (Н. Бердяев); самосотворение сознания (Ж. Сартр), трансгрессия (М. Фуко), «Анти-Эдип» (Ж. Делёз, Ф. Гваттари), «смерть Автора» (Р. Барт), случайная флуктуация (Ж. Лиотар), самоорганизация (И. Пригожин). В итоге, случайность и свобода предстают как имманентные свойства мира, происходит отказ от идеи внешней детерминации, метаморфоза детерминации к самодетерминации, новый синтез детерминистских и индетерминистских категорий с преобладающей ролью последних («детерминированный хаос»).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ:

1. Бергсон А. Два источника морали и религии / А. Бергсон; [Научн. ред. Л. С. Чибиков; Пер. с франц., статья и примеч. А. Б. Гофмана]. – М.: Канон, 1994. – 384 с.
2. Бергсон А. Избранное: Сознание и жизнь / А. Бергсон; ИФРАН; [сост. и пер. И. И. Блауберг]. – М.: РОССПЭН, 2010. – 399 с.
3. Бергсон А. Творческая эволюция / А. Бергсон; [Перев. с франц. В. Флеровой; Научн. ред. Н. Саркитов]. – М.: ТЕРРА-Книжный клуб; КАНОН-пресс-Ц, 2001. – 384 с.
4. Ницше Ф. Сочинения. В 2 т. / Ф. Ницше; [Сост., ред., вступ. ст. и примеч. К. А. Свастьяна]. – М.: Мысль, 1996. – (Философское наследие). – Т. 1. – 831 с., – Т. 2. – 830 с.

REFERENCES:

1. Bergson A. Dva istochnika morali i religii [Two Sources of Morality and Religion]. – М.: Kanon, 1994. – 384 s.
2. Bergson A. Izbrannoe: Soznanie i zhizn' [Favorites: Consciousness and Life]. – М.: ROSSPEN, 2010. – 399 s.
3. Bergson A. Tvorcheskaya evolyutsiya [Creative Evolution]. – М.: TERRA-Knizhnyy klub; KANON-press-Ts, 2001. – 384 s.
4. Nitsche F. Sochineniya. V 2 t. [Works]. – М.: Mysl', 1996. – (Filosofskoe nasledie). – Т. 1. – 831 s., – Т. 2. – 830 s.

Шталонович І. В., кандидат філософських наук, доцент кафедри філософії Дніпропетровського національного університету імені Олеся Гончара (Дніпропетровськ, Україна), E-mail: visnukDNU@i.ua

Світоглядний перехід від гетеро детермінації до авто детермінації у філософії життя кінця XIX - початку XX ст.

Анотація. Описана тенденція ослаблення ролі гетеродетермінації на користь автодетермінації в працях представників філософії життя. Світоглядний перехід від

гетеродетермінації до автодетермінації досліджується в творчості Ф. Ніцше, А. Бергсона та інших. Результатом переходу є те, що випадковість і свобода перетворюються в іманентні властивості світу, відбувається відмова від ідеї зовнішньої детермінації, метаморфоза детермінації до самодетермінації, здійснюється новий синтез детерміністських і індетерміністських категорій з переважною роллю останніх («детермінований хаос»).

Ключові слова: мораль, детермінізм, філософія життя, гетеродетермінація, автодетермінація.

Shatalovich I., PhD in philosophical sciences, associate professor of the Department of philosophical sciences Oles Honchar Dnipropetrovsk National University (Dnepropetrovsk, Ukraine), E-mail: visnukDNU@i.ua

Worldview transition from hetero-determination by auto-determination in philosophy of life late XIX - early XX century.

Abstract. *The trend of weakening the role of the hetero-determination in favor of auto-determination in the works of the representatives of the life philosophy is described. The ideological transition from hetero-determination to auto-determination is studied in the works of Friedrich Nietzsche, Henri Bergson and others. The result of the transition is that the fortuity and freedom are turning into inherent properties of the world, there is a rejection of the idea of an external determination, metamorphosis from determination to self-determination, a new synthesis of deterministic and indeterministic categories is carried out with a dominant role of the latter («deterministic chaos»).*

Keywords: morality, determinism, philosophy of life, hetero-determination, auto-determination.